

ВЕЛИКАЯ ПОЭЗИЯ

Франсуа Вийон
Жан Лафонтен
Мольер
Вольтер
Эварист Парни
Андре Шенье
Пьер-Жан Беранже
Шарль Мильвуа
Альфонс де Ламартин
Виктор Гюго
Огюст Барбье
Альфред де Мюссе
Теофиль Готье
Шарль Бодлер
Поль Верлен
Артюр Рембо
Анри де Ренье
Гийом Аполлинер

Лучшая
французская
поэзия

Издательство АСТ
Москва

Поэты
XV—XVII
веков

ФРАНСУА ВИЙОН

Баллада о женщинах былых времен

Скажите, где, в стране ль теней,
Дочь Рима, Флора, перл бесценный?
Архиша где? Таида с ней,
Сестра-подруга незабвенной?
Где Эхо, чей ответ мгновенный
Живил, когда-то, тихий брег,
С ее красою несравненной?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Элоиза, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абеляр лишен страстей
И сам ушел в приют священный?
Где та царица, кем, надменной,
Был Буридан, под злобный смех,
В мешке опущен в холод пенный?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Бланка, лилии белей,
Чей всех пленял напев сиренный?
Алиса? Биче? Берта? — чей
Призыв был крепче клятвы ленной?

Где Жанна, что познала, пленной,
Костер и смерть за славный грех?
Где все, Владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!

П о с ы л к а

О, государь! с тоской смиренной
Недель и лет мы встретим бег;
Припев пребудет неизменный:
Увы, где прошлогодний снег!

В. Брюсова

Баллада о повешенных

Прохожий, здесь присевший отдохнуть,
Не вздумай нас насмешками колоть.
К нам, бедным, сострадателен ты будь,
Чтоб и к тебе был милостив Господь!
Всех восемь нас висит тут; наша плоть,
Которой в мире были мы рабами,
Висит насквозь прогнившими клоками,
И наши кости тлеют понемногу;
Но вместо издевательств злых над нами,
За нас вы помолитесь, братья, Богу!

О брат мой. Не отринь моей мольбы!
Пусть осудил закон нас — все равно!
Ты сам ведь знаешь: прихотью судьбы
Не всем благоразумие дано.
И так как мы уж умерли давно,
То нам теперь одни молитвы наши
Могли б помочь избегнуть горькой чаши
И отыскать к Спасителю дорогу.
Мы умерли, но живы души наши:
За них вы помолитесь, братья, Богу!

То мокли мы от мартовских дождей,
Теперь от солнца сухи и черны;

Нас птицы проклевали до костей,
И мы навек покоя лишены:
От ветра мы, как старые штаны,
Без отдыха весь день должны болтаться!
Нам с виселицы нашей не сорваться,
Не подойти нам к вашему порогу,
Вы можете нас больше не бояться...
Молитесь же за братьев ваших Богу!

Перевод Н. Бахтина (Новича)

ЖАН ЛАФОНТЕН

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.

«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое все пела». —
«Ты все пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Перевод И. Крылова

Лошадь и осел

Добро, которое мы делаем другим,
Добром же служит нам самим,
И в нѹжде надобно друг другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади в дороге быть с ослом;
И лошадь шла порожняком,
А на осле поклажи столько было,
Что бедного совсем под нею задавило.
«Нет мочи, — говорит, — я, право, упаду,
До места не дойду».
И просит лошадь он, чтоб сделать одолженье
Хоть часть поклажи снять с него.
«Тебе не стоит ничего,
А мне б ты сделала большое облегченье»,—
Он лошади сказал.
«Вот, чтоб я с ношею ослиною таскалась!» —
Сказавши лошадь, отказалась.

Осел потуда шел, пока под ношей пал.
И лошадь тут узнала,
Что ношу разделить напрасно отказала,
Когда ее одна
С ослиной кожей несть была принуждена.

Перевод И. Хемницера

Сон могольца

Однажды доброму могольцу снился сон,
Уж подлинно чудесный:
Вдруг видит, будто он,
Какой-то силой неизвестной
В обитель вознесен всевышнего царя
И там — подумайте — находит визиря.
Потом открылася пред ним и пропасть ада.
Кого ж — прошу сказать — узнал он в
адской мгле?
Дервиша... Да, дервиш, служитель Орозмада,
В котле,
В клокочущей смоле
На ужин дьяволам варился.
Моголец в страхе пробудился;
Скорей бежать за колдуном;
Поклоны в пояс; бьет челом:
«Отец мой, изъясни чудесное виденье». —
«Твой сон есть божий глас, —
колдун ему в ответ. —
Визирь в раю за то, что в области сует,
Средь пышного двора, любил уединенье.
Дервишу ж поделом; не будь он суесвят;

Не ползай перед тем, кто силен и богат;
Не суйся к визирям ходить на поклоненье».

Когда б, не бывши колдуном,
И я прибавить мог к словам его два слова,
Тогда смиренно вас молил бы об одном:
Друзья, любите сень родительского крова;
Где ж счастье, как не здесь, на лоне тишины,
С забвением сует, с беспечностью свободы?
О блага чистые, о сладкий дар Природы!
Где вы, мои поля? Где вы, любовь весны?
Страна, где я расцвел в тени уединенья,
Где сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья, когда увижу вас?
Когда, покинув свет, опять без принужденья
Вкушать мне вашу сень, ваш сумрак и покой?
О! кто мне возвратит родимые долины?
Когда, когда и Феб и дщери Мнемозины
Придут под тихий кров беседовать со мной?
При них мои часы весельем окрыленны;
Тогда постигну ход таинственных небес
И выпрених светил стезя неоткровенны.
Когда ж не мой удел познание сих чудес,
Пусть буду напоен лесов очарованьем;
Пускай пленяюся источников журчаньем,
Пусть буду воспевать их блеск и тихий ток!
Нить жизни для меня совется не из злата;